

Константин Паустовский терял свеженаписанные романы не однажды. Например, рукопись самого первого, с восточной атмосферой и под названием «Пыль земли Фаристанской», молодой писатель дал почитать другу Исааку Бабелю. Рассеянный Бабель рукопись куда-то задевал, не мог найти, очень переживал – и в конце концов принес повинную голову. Дело было в 1925 году. Паустовский, которому было немного за тридцать, не впал в отчаяние, а сел – и за месяц восстановил роман по памяти. Но как только он закончил, Бабель, конечно, первую рукопись нашел. Друзья-литераторы, понятное дело, уселись за стол, сравнили два варианта – и с радостным удивлением обнаружили лишь небольшие разночтения. Но этот роман явно не был занесен в книгу жизни. Рукописи лежали в старой папке, и когда некоторое время спустя в комнате Паустовского начался ремонт, маляр, решив, что в такой упаковке ничего ценного и серьезного сохранилось не может, отправил их обе в печь, на которой варил столярный клей.

Этот литературный анекдот не имеет отношения к нашей военной теме, но он яркий и стоит того, чтобы его рассказать.

Об обстоятельствах, при которых была утрачена рукопись написанного в 1944 году романа о войне «Дым отечества», Паустовский ничего конкретного не сообщает. Он считал его потерянным без-

возвратно. Двадцать лет спустя он даже выпустил специальную книгу, где собрал сохранившиеся фрагменты своих потерянных сочинений. И вот, после ее появления, неожиданно получил письмо из Казани. Женщина сообщала, что работала в Государственном литературном архиве – и случайно наткнулась там на рукопись романа. «Дым отечества» вышел в журнале «Москва» и отдельной книгой в 1964 году. А после вошел в собрание сочинений писателя, напечатанное огромным тиражом, – почти во всяком доме, где вообще держали книги, можно было увидеть этот восьмитомник.

Такой несколько юнгианский сюжет (ради точности все же стоит отметить, что известен он только со слов самого автора) как будто дает нам знак: вот этому роману свое место в мироздании определено, и забвения он не заслуживает.

Была определенная смелость в том, чтобы выпустить роман о войне спустя столь долгое время. Некие правила изображения войны в литературе, скорее негласные, чем прямо навязанные начальством, успели уже не раз поменяться. Хотя политическая оттепель подходила к концу, в обществе теперь присутствовал запрос на картину без лозунгов и иллюзий, часто жесткую, почти натуралистичную, она отождествлялась с правдой. «Лейтенантская проза», созданная людьми, видевшими войну «с земли», из окопов, транслировавшими –

Малькольм Макларен – человек, который спродюсировал группу «Секс Пистолз», году в 1977-м выпустил майку с надписями. На животе у нее перечислялось то, что панки ненавидят – скажем, группу «Пинк Флойд». А на спине – то, что панки любят. И вот в этом списке присутствовал Константин Паустовский.

насколько это было возможно – свой военный опыт, понимание происходящего, травму, трагическое переживание, а не предписанное идеологическое сообщение, уже стала влиятельным литературным течением. Казалось, что именно эти авторы заслужили право на высказывание о войне, и всякое иное рядом с ними в лучшем случае отдает слишком уж осторожной недоговоренностью (как раз сюда, наверное, можно было отнести и роман Паустовского). Теперь видно, в чем здесь была ошибка. Все-таки речь должна была идти о художественном высказывании, и здесь нет обязательств непременно и прежде всего выговорить всю возможную правду. Но на фоне времени и сурового стиля военной темы «Дым отечества» мог показаться позавчерашним днем. Судя по всему, Паустовский видел в нем достоинства, перевешивавшие такую опасность. В предисловии он говорит, что сейчас, в 64-м, конечно, написал бы многое иначе, но решил оставить роман без изменений.

Роман Паустовского – своего рода «Война и мир», но труба, конечно, пониже, дым пожже, и масштаб замысла поскромнее. Видно, что Паустовский тот еще романист (мы знаем, что соприродные ему «форматы», его лучшие вещи – повесть, рассказ, автобиографическая проза). Населить множеством персонажей большой созданный мир, где все они будут

двигаться, ему не под силу. Пожалуй, самое слабое место романа – в фабуле слишком уж часто используются как крепежный элемент случайные пересечения персонажей. Да и по объему книгу Паустовского не сравнить с Толстым, «Дым отечества» – маленький роман. Действующие лица немногочисленны. Но схема во многом выдержана. Только вместо «широкой панорамы русского общества», внутренний смысл которого проявляет война, здесь – несколько интеллигентов: художники, актеры, стареющий пушкинист. Война наступает не сразу, но ее отзвуки из будущего слышны уже на первых страницах (мотив беженцев из франкистской Испании). Имеют место и рассуждения во вполне толстовском духе: «Но почему же народы, имевшие столько таланта и силы, чтобы создавать могучие государства, свободную и разумную жизнь – почти безропотно подставляли шею этим подлецам? Этого нельзя было понять». Но, согласно пропорции, укладываются они здесь не в страницы, а в считанные фразы, абзац.

Паустовский провел на Южном фронте в качестве военного корреспондента полтора месяца. Как он сообщал друзьям, почти все это время находился на линии огня. Так что трудно судить, много это или мало. И нет у него вкуса к изображению батальных сцен оттого, что ему не хватает какого-то собственного знания либо он намеренно отодвигает их на второй план. То есть в романе поместились и первые дни войны, безнадежность вынужденного бегства, отчаянное сражение и стойкость советских военных, партизаны, оккупация, блокада Ленинграда. И выписаны они отнюдь не стерто, и все же в них как бы нет самостояния, они нужны, скорее, как фон, на котором особенно отчетливо человеческое становление, траектории жизней. Любопытно, что, собственно, неопределенности закончены, герои осуществляются, обретают ясную судьбу еще задолго до конца войны, любящие, дорогие друг другу люди сходятся – и они уже не должны больше воевать, пафос войны уже замещается пафосом культурного делания, которое уже в тот момент – важнее (впрочем, и противодвижение задано тоже, недаром Паустовский любил живопись – вот писатель, освобожденный от фронта врачами, напротив, оставляя любимую женщину, отправляется к партизанам – как раз из того места, где все собрались).

Кстати, в романе нет ни одного злодея, вообще отрицательных персонажей. Паустовский сочиняет о надежде и рады надежды – злодеи «внутренние» еще не нужны, и без того есть что преодолевать. Нет здесь и направляющих и руководящих коммуни-

став. Местами прямо ждешь – вот сейчас вынырнет какой-нибудь комиссар или парторг с цитатой из Сталина (ну, из Ленина). Нет, не выныривает.

Паустовский вообще замечателен тем, что, находясь вполне внутри советской культурной системы в очень непростые времена, не противопоставляя ей себя, как-то умудрялся избегать игры по ее правилам и никогда не писал ничего прославляющего и верноподданнического. А ведь кто только не писал. Великие!

Любопытно провести еще такой опыт – постараться читать «Дым отечества» как сочинение не о самой главной нашей «войне памяти», но как о какой-нибудь достаточно для нас безразличной, может быть, и вовсе придуманной. Тогда сразу становится видна самодостаточность прозы: увлекательно наблюдать, просто как она разворачивается, как фразы идут одна за другой. Дар такой письма встречается довольно редко. С прозой Паустовский работает как скульптор с глиной, не с камнем. Лепит, прибавляет. Он по-своему барочен, не пытается писать сурово и сдержанно, ценит яркую неожиданность в метафорах и сравнениях. Не прячет приема. Позволяет литературе быть литературой. Позволяет себе убить не так уж много героев. Диалоги у него гибкие, ветвистые, живые. Здесь говорят в основном весьма образованные люди – но не так, чтобы ни слова в простоте. И детали бывают – как точный удар кисти на полотне. Вот герои пробираются из партизанского отряда в захваченные немцами Пушкинские горы. И видят – на заснеженном уже поле – черные колосья неубранной пшеницы. И вот он сразу перед нами – холод отчаяния первой военной зимы (а старый пушкинист прячется там в землянке и собирает на дорогах куски проволоки, чтобы изготавливать мины). На таких примерах (пускай теперь они могут показаться чересчур прямыми, несколько тяжеловесными – но ведь работает у Паустовского, невозможно отрицать) преподавали прежде литературу в школе (может быть, и сейчас).

История о том, как перед Паустовским опустилась на колени, не найдя другого способа выразить свое восхищение, Марлен Дитрих, известна многим (ее описала в мемуаре сама певица). А вот другая. Малькольм Макларен – человек, который спродюсировал группу «Секс Пистолз», году в 1977-м выпустил майку с надписями. На животе у нее перечислялось то, что панки ненавидят – скажем, группу «Пинк Флойд». А на спине – то, что панки любят. И вот в этом списке присутствовал Константин Паустовский.

Но сегодня Паустовский, конечно, не в моде. Его и вспоминают-то редко. Крипторелигиозность, свойственная в целом советской литературе – утверждение базовой благосклонности судьбы (после испытаний все будет хорошо), – и, скажем, доставшаяся от классики любовь с вынесенной за рамки кадра плотской составляющей, и многое другое может уже казаться забавным. Мы-то не дураки теперь, нас не обманешь, мы знаем, из чего собрана любовь и что в конце ничего хорошего не будет. Но хочется верить, что и читатель, сосредоточенный на актуальном, открывшись, сумеет увидеть в этом романе альтернативную – и равноправную – достоверность.

